

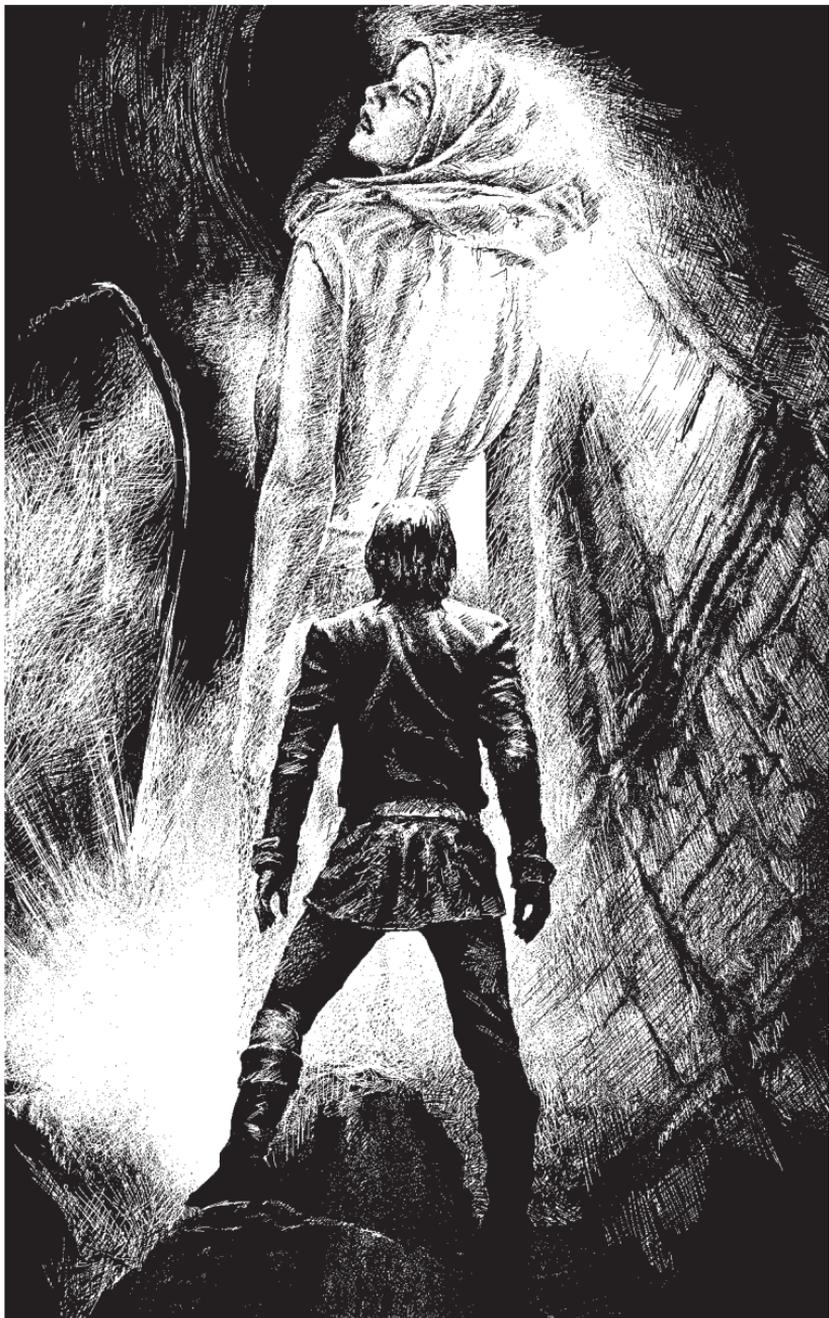
Книги Дианы Удовиченко
в серии
**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

ЭФФЕКТ ИСКАЖЕНИЯ

ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ИМПЕРСКИЙ ЯСТРЕБ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВРАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. ВЕРХОВНЫЙ МАГ ИМПЕРИИ
ИСТОРИЯ БАСТАРДА. РЕКВИЕМ ПО ИМПЕРИИ

В соавторстве с Максимом Удовиченко

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИЗГНАННИКИ
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. СКИТАЛЬЦЫ
ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИСКАТЕЛИ

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

ДИАНА УДОВИЧЕНКО,
МАКСИМ УДОВИЧЕНКО

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИСКАТЕЛИ

РОМАН

Москва, 2012
САРМАДА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
У31

Серия основана в 1992 году
Выпуск 792

Художник
В. Федоров

Удовиченко Д., Удовиченко М.
У31 Зеркала судьбы. Искатели: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012.— 346 с.: ил. —
(Фантастический боевик).

ISBN 978-5-9922-1294-5

Орочья воительница Мара отправилась на поиски древнего артефакта, чтобы спасти свой народ. Эльфийского мага Лэя больше интересуют сокровища богов, хотя стать героем родного леса он тоже не прочь. Цели абсолютно разные, а путь один — через острова Дикого архипелага. Но судьба приготовила для искателей множество испытаний. Как преодолеть их и не сгинуть в таинственных землях? Этого не знает никто, ведь на Диком архипелаге обманчивы даже законы природы.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Диана Удовиченко,
Максим Удовиченко, 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ISBN 978-5-9922-1294-5

ГЛАВА 1

Лэй

Итак, нам удалось выжить в столкновении с древней неизвестной сущностью. После жутких событий команда Клешни некоторое время пребывала в прострации. Оно и понятно: большинство матросов не помнили, что с ними произошло. А когда узнали — не могли поверить.

Долго изображать слизняков морякам не позволили. Под командованием Бобо, его помощников и боцмана вскоре все пошло обычным чередом. Но теперь, хотя нашими стараниями на корабле было спокойно, члены команды стали странно посматривать в нашу сторону — не враждебно и не со страхом, но с легким благоговением и робостью, будто на каких-то особенных существ.

Мы и раньше были весьма приметной компанией, но теперь к нам относились немного по-другому. Точнее, ко мне. Орку, как и раньше, просто обходили стороной, не желая попасть под ее тяжелую руку. Меня же перестали приглашать в кубрик перекинуться в карты или кости и выпить вина. Старались вообще не говорить со мной и не смотреть в глаза. Единственными, кто не поменял отношения к нам, были капитан Клешня и боцман.

— Так обо... испугался народишко, господин эльф, — пояснил Дайф, когда я спросил о причинах такого поведения команды. — Раньше-то ребята не понимали, на что вы способны. Думали, так, угрё... уша... далириец какой-то, в общем. А оказалось — великий волшебник! Толком-то наши долбо... ребята не помнят ничего. Вот и ходят по кораблю слухи, один чуднее другого. Рассказывают, вам, господин эльф, стоит рукой взмахнуть, и любому морско-

му чуду пер... конец настанет. А ваша подружка, говорят, самому Мертвому капитану надрала жо... то есть победила.

Опровергать домыслы матросов мы не стали, бесполезно это. Люди склонны верить в самые невероятные сказки. Так что остаток путешествия провели под бременем славы — мирно и скучно.

Когда до Зириуса остался всего день плавания, Клешня пригласил нас к себе в каюту, чтобы обсудить детали второй части сделки.

— Мне нужен задаток и время, чтобы починить пробойину, запастись провиантом и нанять новых людей, — с ходу высказался Бобо.

— Сколько это займет? — спросил я.

— Не меньше двух недель, сожри меня акула. Работы с пробойиной много, да и парням надо отдохнуть, развеяться, баб пощупать.

Я понимающе кивнул. После всего, что мы пережили, небольшой отдых на суше команде необходим.

Мы обсудили, как будет проходить наше путешествие после выхода из Зириуса. Спорили недолго. В цене сошлись еще давно, она осталась прежней — тысяча золотых в случае благополучного исхода нашего предприятия. Обсуждали в основном план действий.

Островов в Диком архипелаге насчитывалось одиннадцать. Мы решили, что корабль будет бросать якорь у каждого острова и ждать нас ровно две недели.

— Как вернетесь — подавайте сигнал, — сказал Клешня. — Костер там запалите или магией в воздух шарахните. Мы шлюпку спустим.

— Но нам может не хватить четырнадцати дней, — заметила Мара.

— Тут уж, леди, не моя забота, — стараясь быть вежливым, ответил Бобо. — Хоть ты и вылитая Могучая Берти, а ждать тебя ни одной лишней секундочки не буду. Клянусь кальмарьими кишками, не вернешься через две недели — подниму якорь, и бегай потом по берегу, мотай соплю на кулак. Так что если решите задержаться на острове подо-

льше — дело ваше. Но все равно подавайте сигнал каждые четырнадцать дней. Шлюпка придет, матросам скажете, мол, так и так, желаем еще тут появиться — и копайтесь себе на здоровье, ищите клад, или что вы там ищете. Может, вас какие твари сожрут, а я все ждать буду? Нет уж, пусть будет по-моему. А не вернетесь, не просигналите вовремя — задаток мой, и я поднимаю паруса.

Мы согласились со справедливостью требований капитана, на том и сошлись. Бобо еще попытался требовать плату за пятьдесят бочек ржавки, вылитой в глотку морского чудища, но тут уж мы возмутились.

— Если тебе не нравится способ спасения ваших шкур, можешь предъявить претензии монстру. Догони его, и пусть он отрыгнет ржавку, — сказал я.

— Или ты мечтал оказаться рядом со своим другом Абером Гроком, а мы помешали? — поддержала Мара, выразительно поигрывая пятипалым. — Я могу это исправить.

Клешня был вынужден признать, что погорячился.

На следующий день «Хромая Мери» вошла в порт Юмерииона — второго по размерам и богатству города, после столицы королевства Зириус.

Стоя на верхней палубе, мы наблюдали, как корабль швартуется к пирсу. С самого начала меня поразили размеры порта, он был в несколько раз больше Энифа. А сколько здесь стояло кораблей! Я попытался считать, но вскоре сбился. Такой неискушенный в морском деле путешественник, как я, не мог определить виды судов, но они поражали разнообразием — от мелких рыболовных и средних торговых шхун до величавых военных гигантов.

Первое, что бросалось в глаза, — огромная разношерстная толпа. Порт был похож на муравейник, в который сунули горящую палку. К одним кораблям подвозили на телегах провизию, с других выгружали товары. На пирсы вываливали свой улов рыбаки, торговцы тут же перекладывали рыбу в большие корзины.

Повсюду были моряки — кто возвращался на суда, кто только сходил на берег. Прямо на пирсах их встречали

портовые шлюхи, зазывая в дешевые кабаки, которых здесь имелось великое множество. Второе, что поразило после путешествия в тишине, — гвалт, который стоял в порту. Орала все: рыбаки, пьяные матросы, грузчики и таможенники. Голоса сотен глоток сливались с шумом моря, скрипом снастей, грохотом тележных колес, рождая непривычную и неприятную для уха какофонию.

Ко всему прочему на пирсе невыносимо воняло смесью запахов пота, невымытых тел и гниющей рыбной трупхи.

На «Хромую Мери» явились чиновники с таможенным досмотром. Все прошло гладко, несмотря на то что у Бобо не имелось никаких документов на ржавку, перегруженную с «Челесты». Оно неудивительно: получив небольшую взятку, таможенник сказал, что не усматривает в грузе никакой опасности, и с удовольствием шлепнул печать на сопроводительные бумаги.

После того как все формальности были улажены, Клешня протянул мне свиток:

— Вот карта Юмериона. Гуляйте по городу, пейте, жрите, но через четырнадцать дней возвращайтесь.

— А куда ты посоветуешь нам сходить? — спросила Мара.

Бобо на секунду задумался, почесывая бороду, затем ответил:

— В «Синий бурдюк» не ходите.

— Там собирается местное ворье или бандиты? — поинтересовался я.

— Нет, хозяин, старый хрен, ржавку разбавляет, — выдал Клешня и сплюнул на палубу.

Мы не стали продолжать интересную беседу, молча двинулись к трапу. Там нас уже ждал Лис с дорожным мешком на плече. Втроем мы спустились и ступили на деревянный пирс. Было непривычно после качки ощущать твердую почву под ногами.

Протолкнувшись сквозь галдящую, отчаянно воняющую толпу, двинулись в глубь города по широкой дороге,

которая, если верить карте, вела на рынок. Вскоре Роману остановился и заявил:

— Думаю, здесь расстанемся.

— Уверен, что не хочешь отправиться с нами? — спросила орка. — Мы не против...

— Я же обещал, что больше не выйду в море, — ответил Лис, упрямо мотнув головой. — Сыт по горло морскими приключениями. Я вор, а не охотник на чудовищ.

— Тогда до встречи! Может, еще увидимся, — сказал я, протягивая руку.

— Сомневаюсь, — ухмыльнулся Роману.

С этими словами Лис шагнул в сторону и вскоре скрылся в ближайшем переулке.

— Жаль, он был хорошим попутчиком, — произнесла Мара, глядя вслед вору.

— Ничего не поделать, у нас разные пути.

Мы снова двинулись по дороге к рынку.

Юмерион оказался красивым, светлым и довольно чистым. Архитектурой он отличался от арвалийских городов. Сложенные из крупных белокаменных глыб, дома были невысокими, имели маленькие, словно бойницы, окна и плоские крыши.

Прохожих по пути встречалось на удивление мало. Те немногие зирийцы, которых мы видели, были смуглы и темноволосы, как Роману, и наряжены в легкие цветастые одежды.

Вскоре мы поняли, почему на улицах так мало народу. Мы шли на рынок, а оказались на самой настоящей праздничной ярмарке — как говорится, с корабля на бал. Уж не знаю, к чему она была приурочена, но радости это не прибавляло. Я хотел спокойно закупить необходимые для дальнейшего путешествия вещи, а не участвовать во всеобщем веселье. Судя по недовольному лицу Мары, она полностью разделяла мое мнение.

— Что будем делать? — прокричала орка, стараясь перекрыть стоящий на площади гомон.

— Придется проталкиваться, — ответил я.

Казалось, на площади собрались все жители и гости го-

рода. В толпе можно было заметить не только людей. Встречалось немало моих сородичей, иногда мелькали коренастые фигуры гномов и низкорослые — гоблинов. Последних было даже много: сказывалась близость торфяных болот. Гоблинам попасть в Зириус гораздо проще, нежели в Арвалийскую империю. Маленький зеленый народец хорошо уживался с людьми. Благодаря своей природной ловкости, юркости и острому слуху они легко устраивались посыльными, делали карьеру шпионов, выступали в цирке. И не только: гоблины, обученные шаманству, отлично разбирались в травах и медицине, что давало им возможность работать лекарями в людских городах.

Единственными, кого в толпе я не наблюдал, были орки. Это и неудивительно, откуда им тут взяться? Т'хар далеко от Зириуса, а обитатели степей не любят путешествовать по человеческим землям. Потому Мара стала объектом пристального внимания, люди глазели на нее, не скрывая пристального интереса.

Представления, устроенные на площади, были достойны отдельного внимания — рядом с некоторыми помостами мы даже останавливались, чтобы немного поглазеть. На одной из сцен несколько раздетых до пояса людей без всякой магии вытворяли чудные вещи: глотали огонь, выдыхали его, словно драконы, жонглировали пылающими факелами, крутили горящие шары на цепях, выполняя при этом акробатические трюки. На другом помосте несколько гоблинов разыгрывали какой-то юмористический спектакль. И, судя по тому, как смеялись зрители, маленькому народцу это удавалось на славу.

Еще нам запомнился иллюзионист. Человек, несмотря на жару одетый в черный, наглухо застегнутый костюм и шляпу, показывал удивительные фокусы. Доставал из воздуха цветы, выпускал из шляпы рой бабочек. Затем поставил посреди сцены стол с горшком и на глазах удивленной толпы вырастил небольшое дерево. Я тоже был поражен: перейдя на магическое зрение, даже проверил, не саторис ли он. Однако все, что показывал человек, было хоть и сложными, но трюками.

Последнее зрелище меня очень разозлило. На помосте выступали дрессированные животные: медведи, лисы, кошки, собаки и еще много других зверей. Бедным тварям приходилось выделять дурацкие фортели за небольшое угощение или из страха перед кнутами, что были в руках у дрессировщиков. Долго у этой сцены я задерживаться не стал, впрочем, ее обходили все эльфы. Гоблины, которые, так же как даллирийцы, любили и уважали природу, тоже торопливо пробежали мимо. К сожалению, человеческие законы позволяют издевательство над животными, сделать я ничего не мог. Утешился тем, что незаметно швырнул в помост воздушное заклятие. Ветхая сцена медленно завалилась набок, дрессировщики с руганью принялись поправлять ее. Судя по количеству латок на помосте, здесь отметились немало эльфийских волшебников и гоблинских шаманов.

На площади мы с оркой не нашли лавок с нужными нам вещами. Здесь продавали только сувениры, выпивку и всякие безделушки, которые разгоряченная толпа с удовольствием расхватывала. Единственное, что нам приглянулось, — горячие пироги, которыми мы и перекусили.

Я сверился с картой, нашел улицу, на которой располагались более серьезные торговые лавки. Туда и пошли, пресытившись зрелищами.

Пока мы проталкивались сквозь толпу, бесцеремонно распахивая людей локтями, Мару попытался обокрасть юркий мальчишка. Но орка резко обернулась, дала ему легкий подзатыльник, отчего бедный ребенок пролетел несколько ярдов и шлепнулся на мостовую.

Наконец мы оказались на нужной улице. Дома здесь не отличались от остальных в городе, но над каждым входом покачивались вывески, изображавшие понятные любому иноземцу вещи.

Для начала, хоть я и пытался протестовать, зашли в оружейную лавку. Орка настояла на том, чтобы подобрать мне кольчугу. Мои доводы, что железяки на жарких тропических островах не нужны и даже обременительны,

Мара слушать не стала. В итоге я стал счастливым обладателем легкой стальной рубахи с короткими рукавами.

Следующей на очереди была лавка с травами. Ее хозяином оказался пожилой гоблин, с которым, зайдя внутрь, я поздоровался на его родном языке. Диалект низкорослого народца мне знаком — как любого аристократа, в детстве меня обучали множеству языков. Гоблин очень обрадовался, увидев эльфа: не каждый день попадаются знающие посетители.

Мы со стариком увлеклись, неспешно беседовали, подбирая травы, которые могли быть полезны в путешествии. Теперь недовольной выглядела Мара. Орке пришлось ждать весьма долго. Она бесцельно бродила по комнате, в которой царил полумрак, и периодически чихала от резкого запаха сушеных трав. В конце концов я обзавелся сумкой с набором на все случаи жизни — от ингредиентов для натирания против насекомых до сбора от насморка.

Очередным местом нашего паломничества стала лавка готового платья. Но тут мы долго не задержались. Быстро подобрали несколько комплектов одежды и обуви: высокие кожаные сапоги, штаны и рубахи из плотной ткани, повязки на голову, шляпы для защиты от солнца. Помимо этого купили еще много необходимых в путешествии вещей: несколько мотков крепкой веревки, два масляных фонаря, огнива, походную посуду.

Когда мы уже собирались отправиться с накопленным добром на ближайший постоялый двор, мой взгляд случайно упал на вывеску с изображением раскрытой книги. Недолго думая, я направился в ее сторону. Нагруженная свертками и мешками орка (большую часть вещей тащила она) попыталась что-то возразить, но я только отмахнулся и перешагнул порог букинистической лавки.

— Добро пожаловать в «Мудрость веков», — раздался из-за прилавка звонкий голос.

Продавцом оказался совсем молодой мальчишка. Я удивленно приподнял бровь: хозяин книжной лавки представлялся мне совсем по-другому.

— Мастер ненадолго вышел, — парень правильно истолковал мое замешательство. — Чем могу помочь?

— Меня интересуют книги по магии, любых видов.

Парнишка заметно оживился и, произнеся: «Сию секунду, господин», — нырнул под прилавок. Через пару мгновений он вытащил на свет несколько книг и свитков, с гордостью заявив:

— Вот они, наши сокровища.

В стопке обнаружили несколько стоящих экземпляров. Учебник по стихийному волшебству, точно такой же, как у меня, но менее потрепанный, книга по магии листьев, включающая в себя не только основы, но и сложные заклятия, несколько свитков на разных языках.

— Сколько стоит? — спросил я, указав на труды эльфийских чародеев.

— Двадцать золотых, — выпалил молодой торгош.

— Сколько?! — переспросил я, чуть не поперхнувшись.

Человек повторно назвал цену. За спиной тихо присвистнула орка. Книга оказалась поразительно дорогой — за такие деньги можно купить двух отличных коней. Хорошо хоть не надо было беспокоиться о размене монеты. В Зириусе, конечно, ходили деньги своей чеканки, но содержание золота в монетах было одинаковым, так что торговцы принимали их на равных условиях.

— Ну хорошо. — Тяжело вздохнув, я полез в заплечную сумку, достал тугой кошель, отсчитал двадцать монет и двумя ровными столбиками положил их на прилавок.

Глаза человека загорелись при виде золота, он тут же бросился пересчитывать деньги.

— А это что? — Я указал на свиток, испещренный странными загогулинами.

— Вроде какое-то описание орочьего ритуала, даже мастер не смог его перевести, — ответил парень, складывая монеты.

Я протянул свиток орке:

— Можешь прочитать?

Мара повертела пергамент в руках и вернула его мне.

— Какая-то шаманская дребедень, — сказала она, пожав плечами. — В этом не разбираюсь, но могу попробовать.

— Сколько стоит? — Я сунул свиток парню под нос.

— Пять крионов, — отмахнулся он.

— Может, отдашь в придачу к книге? — спросил я, нахмурившись. — И так три шкуры с нас содрал.

Мальчишка наконец соизволил оторваться от созерцания золота, взглянул на свиток. Колебался он недолго, видимо, цену за эльфийские труды заломил достаточную, чтобы и перед хозяином отчитаться, и себя не обидеть.

— Да, можете считать это подарком, — сказал юнец, улыбнувшись, и добавил фразу, которую, видимо, было принято говорить всем покупателям в этой лавке: — Да пребудет с вами мудрость.

Ничего не ответив, я сунул покупки в сумку и вышел на улицу. Приобретение трактата о магии листвы было, несомненно, делом полезным, но настроения не прибавляло. Очень уж дорого обошлась книга. Хоть орочки каракули выторговал, утешал я себя.

Побродив еще немного, мы направились на постоянный двор, который нам порекомендовал один из торговцев.

Двор оказался приличным и дорогим. На входе нас встретил сам хозяин. Узнав, что мы собираемся снять комнату, тут же приказал слуге отнести все наши вещи на второй этаж. На первом этаже, как и во всех подобных заведениях, находился трактир, куда мы зашли перекусить. Стены зала были разрисованы орнаментом из сказочных цветов и животных. Роспись была такой яркой, что глаза болели.

Делая заказ, мы попросили лучшие блюда этого заведения. Не могу сказать, что еда оказалась невкусной. Но в ней было чрезмерно много специй, а оформление вычурно до абсурда. Жалко было разрушать старательно выложенные на тарелках башни и завитки. Если мне все это лишь показалось странным, то для Мары ужин стал настоящим испытанием. Закончив трапезу, мы сразу поднялись в комнату.

— Как тебе Зириус? — спросил я.

— Все здесь слишком, — немного подумав, ответила орка. — Слишком жирная и острая еда, слишком сладкие сладости, слишком яркие цвета. Богатые люди одеты чересчур роскошно, до нелепости.

— Зириус полон излишеств.

— Да. Мне тяжело было привыкнуть даже к обычаям Арвалийской империи, но к жизни в Зириусе я бы никогда не привыкла.

Как ни странно, я полностью разделял мнение орки. Зириус действительно был излишне претенциозен, иногда это выглядело смешно — например, расшитые драгоценными камнями парчовые одежды богатых горожан.

Отведенные нам две недели тянулись невыносимо долго. Все это время мы гуляли по городу или отдыхали на постоялом дворе, занимаясь своими делами. Орка снова и снова проверяла купленные для путешествия вещи, а я читал новую книгу о магии листвы. Она оказалась очень полезным приобретением, но ее следовало изучать долго и вдумчиво, сделать это я планировал на корабле. Иногда я рассматривал орочий свиток, покрытый забавными рисунками и непонятными загогулинами. Несколько раз пытался уговорить Мару начать перевод, но зеленая только отмахивалась от меня, говоря, что займется этим во время плавания, когда ей понадобится отвлечься от морской болезни.

Когда время безделья подошло к концу, нас чуть ли не тошнило от жаркой страны. Мы собрали вещи, покинули постоялый двор и отправились на корабль.

Когда мы прибыли в порт, матросы уже загружали на судно последние бочки и ящики. Команда, под крики капитана и боцмана, бодро готовила судно к отплытию. Примерно в полдень «Хромая Мери» вышла в открытое море и взяла курс на Дикий архипелаг.

Стоя на палубе, я наслаждался теплым солнечным днем, Мара рядом, облокотившись о бортик, боролась с свотными позывами. Эту идиллию разрушил матрос, который подбежал к нам и выпалил:

— Господин эльф... Того... Там... Чародей нам нужен, там морт в бочке!

Мы удивленно уставились на запыхавшегося, перепуганного человека. От удивления орку перестало тошнить. Бывалый моряк даже немного съезжился под тяжестью наших взглядов.

— Морт в бочке? — тупо переспросил я.

— Клянусь Сиверентусом! — воскликнул человек. — Скорее в трюм, там его караулят уже!

Переглянувшись, мы с оркой молча пошли за матросом. Парень и так был на взводе, так что мы решили не нервировать его. Я не знал, что полоумная команда Клешни могла обнаружить в трюме, но присутствия нечисти на корабле не ощущалось. Мара тоже была спокойна. Скорее всего, моряки перепили по жаре ржавки и приняли за морта извозившуюся в муке крысу.

Мы спустились в трюм. Все происходящее здесь выглядело нелепым спектаклем бесталанных актеров. Вокруг бочки стояли матросы с абордажными саблями в руках. Одни тихо переговаривались, другие шепотом молились, кто-то осенял себя защитными знаками... Но все держали расстояние примерно в два шага от злополучной посуды.

— Вот оно, — тихо пробормотал наш провожатый. — Ворочается...

Растолкав моряков, мы с оркой подошли к бочке. Никакого ощущения опасности или магических токов от нее не исходило, однако действительно были слышны странные звуки, словно кто-то скребся изнутри. Люди напряженно застыли, наблюдая за нами и готовясь пустить в ход оружие. В трюме повисло тяжелое молчание. Неожиданно тишину разорвал истошный крик, который вскоре перешел в леденящий душу вой. Задрожав, матросы попятнулись в разные стороны.

— Знакомо звучит, не находишь? — спросила у меня орка.

— Да, теперь понятно, в чем тут дело, — ответил я. — Переверни-ка бочку.

Мара кивнула, пинком опрокинула посудину на палу-

бу. Крышка тут же слетела, на свет выкатилось существо, которое матросы посчитали мормом. Весь липкий от пропитавшего одежду эля, облепленный грязью, соломой и ужасно воняющий, перед нами предстал Лис Роману собственной персоной. С трудом вор поднялся на ноги, обвел ошалелым взглядом всю толпу. Увидев нас, громко выругался. Затем икнул и шатающейся походкой, на подгибающихся ногах, двинулся к выходу из трюма. Матросы молча уступали ему дорогу. Все узнали вора, но от удивления не могли вымолвить ни слова. Лис вышел из трюма, мы вместе с моряками молчаливой процессией потянулись за ним.

Оказавшись на верхней палубе, Роману подошел к борту, уставился на море. Немного постояв, завыл — в его крике смешались горечь и обида. Потом вопль перешел в забористые ругательства. Выплеснув накопившееся в душе, Роману бессильно повис на бортике и принялся извергать уже содержимое желудка.

— Что это с ним? — спросила орка.

— Надышался парами эля, — ответил я. — Сейчас отрезвим.

Повинуясь движению моей руки, вода за бортом поднялась столбом и обдала Роману прохладным потоком. Не ожидавший подобного вероломства Лис плюхнулся на палубу, отплевываясь и отфыркиваясь. Морское купание пошло ему на пользу — после того как я ополоснул вора, взгляд его стал более осмысленным.

— А он точно не морт? — опасливо спросил боцман Дайф.

— Во-во, говорят, они в любого перекинуться могут, — поддержал кто-то из матросов.

Зная суеверность моряков, я сделал серьезное лицо и сказал:

— Сейчас проверю. — Немного помахав руками над головой вора и еще разок окатив его водой, заявил: — Морты от намагиченной воды тают. Раз не растаял, значит, это Лис Роману. Ручаюсь.

Мой авторитет на корабле был непререкаем, матросы

успокоились. Через пару часов мы в компании протрезвевшего Лиса сидели в моей каюте. Клешня спокойно принял старого попутчика, только потребовал вполне приемлемую и справедливую компенсацию. Вору выделили сухую одежду, но он наотрез отказался переодеваться в чьем-либо присутствии. Лишь когда его оставили одного, Роману сменил мокрый вонючий костюм на чистые холщовые штаны и рубаху. Я напоил Лиса отваром от похмелья, а кок оказался настолько добр, что приготовил персонально для него горячую похлебку.

— Кто-то давал клятву никогда больше не выходить в море, — не удержался я от издевки.

Вор зло глянул на меня покрасневшими глазами, но решил не отрываться от еды и промолчал.

— Как же ты оказался на корабле? — спросила Мара.

— Для начала я должен вам кое-что показать, — сказал Лис, оставив в сторону пустую миску.

Роману покопался за пазухой и извлек на свет здоровенный зеленый камень, который при ближайшем рассмотрении оказался изумрудом идеальной огранки. Когда на него падал свет, внутри вспыхивали золотистые искорки.

— Степной изумруд... — только и смог выдавить я.

— Так вот почему ты настоял, чтобы никого не было рядом, когда ты переодевался, — сообразила Мара.

— Да, — подтвердил Лис. — Хотите, значит, знать, как я оказался на корабле? Моя бы воля, и ноги б моей здесь не было. Но Лак-ха повернулась ко мне уродливой стороной... За эти две недели я многое успел сделать. Точнее, подготовился и совершил кражу века. Мой план был идеален. Еще в Арвалийской империи до меня дошли слухи, что Степной изумруд всплыл в Юмерионе, самом крупном порту Зириуса. Наместнику города камень достался, как приданое за невестой из одного очень знатного и богатого рода. Но у меня не было денег на путешествие в такую далекую страну. Представьте себе, как я обрадовался, узнав, куда вы направляетесь. Конечно, я сразу согласился поехать в Зириус!

— Помню, — кивнула орка. — А еще помню, как ты ре-

агировал на легенду о Степном изумруде, рассказанную Лэем.

— Еще бы, — ухмыльнулся Роману. — Слишком много думал о камне, вот и ляпнул сгоряча, сравнил тебя с ним. Хотел разговор перевести, а ушастый тут как тут с рассказами... Да, не перебивайте меня. Прибыл я на место, поднял кое-какие старые связи, познакомился с нужными людьми. Мне быстро удалось раздобыть план дома наместника, расписание патрулей стражи, изучить привычки хозяина. На это и еще на новое снаряжение я потратил практически все деньги, что у меня были. И вот в эту ночь я прокрался в дом наместника, обошел все препятствия, без труда добрался до сокровищницы. Там мне пришлось попотеть, чтобы обезвредить все ловушки и вскрыть сложнейшие замки, с которыми я когда-либо сталкивался. Это было настоящим испытанием для моего таланта. Но я смог, и наградой оказался Степной изумруд! Добыв камень, стал выбираться из дома. Все шло по плану. И тут... надо же такому случиться! В одном из коридоров я нос к носу столкнулся со слугой, который нес кувшин, наполненный ароматическим маслом. Представляете? Парень дернулся от неожиданности, почти все содержимое посуды выплеснулось на меня. Я отскочил назад, хотел было дать пареньку в челюсть, чтобы потерял сознание и не поднял шум. Но поскользнулся на масле, которое разлилось не только по мне, но и по полу. Ноги разъехались... Все, думаю, сейчас рухну, буду извиняться, как червяк, — тут меня охранники и возьмут тепленьким. Раскорячился из последних сил, стараясь удержать равновесие, попятился... Но, на беду, за спиной оказалось открытое окно. Какое уж тут равновесие? Я полетел вниз. Так бы и разбился, не окажись под окном телега, доверху наполненная соломой. Выбравшись из нее, тут же бросился бежать. О скрытности уже не беспокоился, не до того было. Слуга наместника забил тревогу, охрана сразу обнаружила пропажу изумруда, и по моим следам пустили погоню.

Мы с Марой молча переглядывались, с трудом сдержи-

ваясь, чтобы не рассмеяться в голос. Уж больно забавная представлялась картинка: обмазанный маслом, облепленный соломой Лис, улепетывающий по узким улочкам и скользящий на камнях. Теперь, когда друг находился рядом, а все его беды миновали, можно было и повеселиться над его приключениями. Роману тем временем продолжал:

— Не знаю, сколько людей служит в личной охране наместника, но их хватило, чтобы полночи гонять меня по всему городу. Приходилось петлять как бешеному зайцу, а иногда прятаться, зарывшись по макушку в отбросы и пережидать, когда погоня удалится. Ближе к рассвету в одном из дворов я наткнулся на крытую повозку, которую загружали какими-то бочками. Подождав, когда рабочие закончат, залез под полог, рассудив, что груз куда-нибудь да вывезут. Но чтобы меня не обнаружили сами грузчики, решил забраться в одну из бочек — для этого продырявил ее ножом, подождал, пока часть жидкости вытечет, затем пробил крышку, чтобы не задохнуться, и залез внутрь. Как назло, в бочке оказался эль. Я хотел немного отсидеться и покинуть город. Но напиток оказался коварным: надышавшись паров, незаметно для себя я уснул. А дальше вы уже все зна... видели.

Роману договорил, с обожанием уставился на изумруд и принялся его легонько поглаживать, словно любимого котенка.

— И все это ради какого-то камня? — удивилась орка.

— Ты не понимаешь! У меня вышло то, чего не удавалось ни одному вору на протяжении многих лет! Я войду в историю как первый, кто сумел украсть Степной изумруд! — с жаром проговорил Роману. — Я опроверг легенду, которая гласила, что это невозможно!

Не зная, что на это ответить, мы просто замолчали. Нам ничего не оставалось, как наблюдать за Лисом, который с безумным блеском в глазах ласкал изумруд, что-то тихонько нашептывая.

Мара

Два месяца мы болтались в море, и скажу прямо: это было не самое лучшее время в моей жизни. Перед приходом в Юмерион мне показалось, что я смогла справиться с морской болезнью. Ничего подобного: после выхода из порта все повторилось. Даже в тихую погоду я мучилась от тошноты. За время плавания «Хромая Мери» дважды попадала в шторм, что стало жесточайшим испытанием для моего желудка. Но ко всему можно привыкнуть, и во второй половине путешествия мне все же немного полегчало.

Все дни плавания были похожи друг на друга, различаясь только силой качки. Команда нас побаивалась, и Лэю ничего не оставалось, кроме как проводить время за чтением книг — старой, по стихийному волшебству, и новой, эльфийской, по магии листвы.

Я с самого начала не стремилась к общению с моряками, одиночество меня не тяготило. Поэтому с удовольствием целыми днями занималась бы тренировками по состоянию раш-и. Но мой ушастый приятель рассудил иначе. Любознательному эльфу очень хотелось узнать, что написано в орочьей свитке. Поэтому Лэй донимал меня просьбами перевести старинную грамоту на всеобщий.

Чтение никогда не увлекало меня, а уж разбирать шаманские каракули подавно не хотелось.

— Ты пойми, — пыталась я объяснить, — орочья письменность очень отличается от любой другой.

— Да уж вижу, — кивал друг, отчего длинные уши упрямо подрагивали. — Такие смешные закорючки!

Я предприняла еще одну попытку достучаться до настырного создания:

— Дело не в том, что они смешные. Орки пишут не так, как эльфы, допустим. Вот у вас есть буквы, из них складываются слова, правильно?

— Ну да.

— А у нас знаковое письмо. Есть множество значков, каждый из которых обозначает слово.

— Свой значок на каждое слово? — поразился ушастик. — Даже не знаю, что и подумать: то ли у орков очень

богатая письменность, то ли очень бедный словарный запас...

Не реагируя на колкость, я продолжила объяснения:

— Например, возьмем это предложение из свитка, видишь? Косые черточки означают конец фразы. Здесь три слова.

— Так читай уже, не томи!

— Первый значок означает слово сидеть, второй — собака, третий — огонь.

Эльф вытаращил глаза, так что его удивленная физиономия напомнила мне морду енота:

— Сидит собака в огне? Что за бред?

— А сейчас начинается самое сложное. В нашей письменности нет никаких указаний на то, как надо читать знаки. «Сидеть» может читаться и как «сидит», и как «сесть», и в любом другом варианте.

— Как же вы разбираетесь?

— Обычно если знак, указывающий на действие, стоит на первом месте, он читается как указание. Скорее всего это «посади».

— Посади собаку в огонь? Замечательно! — фыркнул эльф. — Видимо, я приобрел старинную кулинарную книгу орков, а в ней есть рецепт запекания собаки. Или, может, это описание древних ритуалов? Жертвоприношение несчастного пса кровожадным орочьим богам?

— Не болтай ерунды! Мы не едим собак и не приносим их в жертву! Собака и лошадь — друзья орка!

— Ладно, — махнул рукой Лэй. — Переводи дальше.

— Посади лошадь в огонь... А может, огонь в лошадь? Омой кулак в крови...

— Оно и видно, какова настоящая орочья дружба, — кротко заметил ушастик, состроив ханжескую гримасу. — Бедные славные лошадки...

Я заскрипела зубами:

— Все, хватит! Переводи сам, если тебе так хочется!

Лэй тут же сменил тактику:

— Ну, Мара, — заныл он. — Ну ты же понимаешь: мы идем спасать мир. Нас ждут страшные испытания, ужас-

ные монстры и жу-уткие опасности. На Диких островах все пригодится! Ты сама говоришь, что это шаманский свиток. А вдруг там схема заклинания, которое нам когда-нибудь поможет?

В словах мальчишки был резон. Я сменила гнев на милость:

— В том-то и дело, что это шаманский свиток. Если бы ты меньше паясничал и не перебивал меня, уже понял бы кое-что. Шаманы имеют обыкновение зашифровывать свои записи.

— То есть собака — это не собака?

— Может, и не собака, — вздохнула я. — А например, собачья шерсть. Или коготь. А может, все-таки собака. Или какая-нибудь травка, которая у шаманов записывается знаком собаки.

— И ты, разумеется, не знаешь шаманских обозначений. — Лэй не спрашивал, он утверждал.

— Теперь понимаешь, что переводить свиток бесполезно?

— Нет, ты уж переведи на всеобщий, а я потом подумаю...

Я вздохнула: придется. Сама виновата, нечего было еще в Юмерионе давать опрометчивые обещания. Правда, сроков мы не оговаривали... Решив немного схитрить и переводить в день по паре строчек, а остальное время посвятить тренировкам, я кивнула.

Не тут-то было: Лэй взялся за меня всерьез. С самого утра мальчишка являлся в мою каюту и залегал в соседний гамак с эльфийской книжкой, каждые полчаса сахарным голосом напоминая, что необходимо работать. Если я долго не приступала к переводу, ушастик начинал устраивать неприятные сюрпризы. Он создавал из ниоткуда надоедливую мошку, которая больно кусалась, потом истаивала в воздухе. Заставлял мой гамак покрываться веселыми голубыми цветочками, важно объясняя, что койка сделана из льна, стало быть, ничего удивительного в этом явлении нет. Никакие тычки и пинки не помогали. Я вышвыривала хулигана из каюты, но эльф выжидал некото-

рое время, а когда я успокаивалась, возвращался и снова нудел противным голосом: «Пора трудиться...»

Однажды ночью из-за сильной качки у меня случилось обострение морской болезни. Всю ночь я промучилась тошнотой, уснула уже под утро и не услышала, как ушастый злодей пробрался в каюту. Лэй попытался было растолкать меня. Отмахнувшись так, что мальчишка вышиб спиной дверь и улетел в коридор, я снова погрузилась в сон.

Очнулась уже к полудню. Пробуждение было не из приятных. Почему-то чесался подбородок. Я коснулась лица рукой, от ужаса подпрыгнула и чуть не вывалилась из гамака. Ладонь ощутила жесткие густые волосы. Скосив глаза, я увидела, что на грудь спускается роскошная черная борода.

— На этот раз ты перестарался, — прорычала я, хватая мальчишку за шиворот.

— Мара, Мара, успокойся! — торопливо выкрикнул ушан. — Если ты меня убьешь, некому будет снять заклинание! Так и останешься бородатой...

— Не убью, только покалечу, — мстительно пообещала я. — Руки не трону, голову тоже. Сплетешь что-нибудь...

Не успела я разделаться со злокозненным Лэем, как почувствовала, что зуд прекратился: борода исчезла, будто ее не было!

— Опять со стабилизацией напутал, — огорчился мальчишка. — Ну ничего, в другой раз...

Я разозлилась еще сильнее:

— Значит, ты умеешь выращивать волосы! Какого морта я тогда до сих пор лысая?

— Ты не лысая! — протестовал ушастик, болтаясь в моей руке. — Ты уже коротко стриженная!

Действительно, со времени ограбления ростовщика в Гемме, когда мне для маскировки пришлось обрить голову, волосы отросли и уже прикрывали уши. Но все равно я чувствовала себя лысой. Это не женское тщеславие, орочью воину волосы важнее, чем девушке на выданье: они символизируют силу и являются чем-то вроде амулета.

Мы верим, что длинные волосы защищают от дурного глаза. А теперь вот оказалось, что я все это время страдала напрасно: Лэй мог одним заклинанием вернуть мне утраченное!

— Я только что научился этим чарам! — пищал мальчишка, пытаясь достать ногами до палубы. — Вернее, и не научился еще. Это ж магия жизни, зеленая! Тонкая материя, понимать надо...

Я разжала пальцы, Лэй грохнулся на палубу.

— Значит, учиись быстрее. Вырастишь мне нормальные волосы.

Ушастик попытался было возразить:

— Зачем такая грива на островах? Там жарко, мыться негде. В твою прическу набьются мухи, а еще будешь ею цепляться за ветки...

— Отлично, убедил. Тогда обреем налысо и тебя. — Я многозначительно покрутила охотничьим ножом в опасной близости от головы Лэя.

— Ладно уж, выращу. — Он тут же пошел на попятную. — Но только когда переведешь весь свиток.

Ни угрозы, ни просьбы на моего ушастого друга не подействовали. Пришлось соглашаться на сделку. Теперь все дни мы проводили, валяясь в гамаках. Лэй тихо бубнил заклинания, а я переводила мортовы письма, тихо зверея от красной травы, птиц с синими руками и детей ростом с сосну, которых предлагалось утопить в ручье. Я ничего не понимала в этом бреде, но старательно записывала его. К безумным фразам прилагались еще и странные картинки. Рассмотрев их, эльф сказал, что это схемы, которые положено рисовать на земле при шаманских ритуалах.

Лис Роману тоже целыми днями не выходил из своей каюты. Только в отличие от нас вор ничем особенным не занимался. Он просто сидел в углу, держа на ладони камень, и любовался игрой золотых искорок в его гранях. Роману и раньше был довольно замкнут, но теперь сделался угрюмым. Нас он еще кое-как терпел, а вот моряков

видеть не желал. Лису все время казалось, что люди покушаются на его сокровище.

— Может такое быть, чтобы камень влиял на его характер? — спрашивала я у Лэя. — Этак он скоро превратится в злобного, жадного, подозрительного старика.

— Вряд ли, — отвечал ушастик. — Никогда не слышал о таком. Даже если Степной изумруд — могущественный артефакт, что, скорее всего, так и есть, то он может быть заряжен либо созидательной энергией, либо разрушительной.

— Вот и разрушает... Может, он так мстит своему похитителю?

— Ни один артефакт не способен поменять характер человека. К тому же, вспомни, Мара, что говорит легенда. Степной изумруд созидателен, он дарит счастье. А Роману просто дурет от жадности. Это ведь настоящее сокровище, даже если не учитывать его магические свойства.

Вот так проходило наше путешествие. А едва я привыкла к морю и перестала страдать тошнотой, плавание подошло к концу.

— Земля справа по курсу! — ранним утром закричал с мачты впередсмотрящий.

— Глядите, гнилушки сухопутные! Вот они, ваши Дикие острова! — прохрипел Клешня, указывая на черные точки у горизонта.

Точки быстро приближались, меняли цвет, вскоре они превратились в покрытые буйной растительностью холмы, вздымающиеся прямо из моря. Над островами вставал алый рассвет, и на мгновение мне показалось, что Дикий архипелаг залит кровью.

— Да, что-то не вдохновляет меня это место, — пробормотал ушастик.

Я промолчала. Толку-то плакаться?

— Ну что, нелюди, на каком острове вас посадить? — осведомился Бобо.

— Все равно. Давай хоть вот этот. — Лэй ткнул пальцем в ближайший кусок суши.

— Сладкий остров, — сверившись с картой, сказал капитан.

— Почему сладкий? — подозрительно переспросил ушастик.

— Вот уж не знаю, — захохотал Клешня. — Может, вам сладкую жизнь там устроят, а может, сами для кого-то сладкой добычей станете...

«Хромая Мери» обогнула остров с юга и бросила якорь в небольшой бухте, в полумиле от берега.

Мы спустились в каюту, взяли оружие, заранее собранные вещевые мешки, сумки с провизией и устроились в шлюпке, где уже сидели четверо гребцов.

— Вот что, господин эльф и леди орка, — торжественно произнес Бобо. — Хоть вы и нелюди, но ребята хорошие. Жаль будет, если вас сожрут. Удачи вам. Ровно через две недели во-о-он на том мысе костер разведите. Если раньше надумаете на корабль вернуться, сигнальте так же. Заберем.

За всю прочувствованную речь капитан даже ни разу не выругался — видно, действительно растрогался.

— Ну... храни вас Сиверентус и ваши идола поганые, или кому вы там поклоняетесь... — Клешня взмахнул рукой. — Шлюпку на воду!

Матросы взялись за канаты, лодчонка медленно поехала вниз, как вдруг раздался громкий возмущенный вопль:

— Вы куда? А я как же?!

Лис Роману швырнул дорожный мешок, который упал прямо мне под ноги. Моряки от удивления забыли стравливать канаты, и вор, воспользовавшись тем, что шлюпка зависла недалеко от борта, сам прыгнул вслед за мешком. Шлюпка покачнулась, заскрипели тали.

— Ты что творишь? Чуть всех не убил! — крикнул эльф.

Гребцы поддержали Лэя сдержанной руганью. Роману словно бы не услышал. Он смотрел на нас глазами, полными упрека. Выражение лица вора словно говорило: «Как вы могли бросить меня здесь? Предатели!»

— И куда ты поперся? — продолжал распекать его ушастик. — Представляешь себе, как опасно на островах?

Ты... сам знаешь кто, а не искатель приключений! Вот чего, спрашивается, тебе на корабле не сиделось?

Днище шлюпки коснулось воды, но гребцы не торопились работать веслами, ожидая, что мы решим.

— Ну что, забираете оглашенного? — спросил Клешня, перевесившись через борт. — Или штормтрап сбросить, пусть обратно ползет?

Мы с Лэем переглянулись. С одной стороны, Лис всегда был полезным попутчиком и хорошим товарищем, хоть странностей у него имелось множество. С другой — больно уж он изменился за последнее время.

— Не пойду назад! — заблажил вор. — Не останусь с этими...

— Что ты имеешь против команды? — вздохнул ушастик. — Кажется, они еще ни разу никого не обидели.

— Они меня ограбить хотят! — заявил Роману, смерив гребцов подозрительным взглядом.

Моряки только сплюнули. Никто из них не знал о Степном изумруде, Лис прятал камень ото всех. Правильно, конечно. Люди Клешни далеко не образчики благочестия, зачем искушать их таким сокровищем? Только вот подозрения вора выглядели смешными.

— Как по мне, — крикнул Бобо, — пусть идет на острова! Остомортел уже своими выходками! Может, прибьет его там кто-нибудь, не придется моим ребятам руки марать!

— Вот видите, видите? — зашептал Роману. — Это заговор!

Мы с Лэем еще раз посмотрели друг другу в глаза и чуть ли не хором сказали:

— Он с нами.

Негоже бросать товарища, даже если с ним происходит что-то не то... Особенно если происходит.

— Но только с одним условием: ты держишь язык за зубами и не лезешь в наши дела, — добавил ушастик.

Лис торопливо закивал, заранее соглашаясь с любыми условиями.

— Теперь нас во всех грехах подозревать будет. Больше-то некого, — шепнул мне эльф.

Лицо Роману выразило облегчение, как, впрочем, и физиономии моряков. Гребцы взмахнули веслами — шлюпка понесла нас прочь от корабля, который теперь казался таким безопасным и надежным по сравнению с тем, что ждало нас впереди...

Вскоре мы подошли к Сладкому острову.

— Красота какая... — пробормотал эльф.

Синие волны прибоя разбивались о желтый песчаный берег, рассыпались белоснежной пеной. В десятке ярдов от воды зеленым ковром расстился невысокий кустарник, дальше начинался лес. Утренний Атик лил розовые лучи с чистого, ярко-голубого неба. Из-за всего этого разноцветия остров казался неопасным и приветливым. Даже Лис на мгновение забыл воображаемых врагов и залюбовался открывшейся нам картиной.

Моряки не разделили нашего восторга. Едва мы выпрыгнули из шлюпки и побрели к берегу по пояс в воде, матросы, осенив себя защитными знаками, быстренько погребли обратно.

Выбравшись на сушу, Лэй достал из мешка свиток, который оказался картой Дикого архипелага.

— Вот, приобрел по случаю еще в Энифе, у контрабандистов.

— А чего такая потертая? — поморщился Роману. — Да еще нарисована как-то криво...

— Зато самая точная, — парировал ушастик. — Официальных карт Дикого архипелага просто не существует. К нему ведь никто не ходит, кроме тех же контрабандистов и пиратов.

— Сладкий остров, — с трудом разобрала я кривую надпись. — А почему на нем ничего не обозначено? Где тут лес, река, озеро — хоть что-то?

— Не изучен, — пожал плечами Лэй. — Не высаживаются на нем люди. Береговую линию прорисовали, и на том спасибо.

— Погоди-погоди... — Чем больше я разглядывала кар-

ту, тем удивительнее она мне казалась. — Так выходит, ни один из островов не изучен, что ли? Нигде нет никаких обозначений. Хотя вот...

На одном из островов красовалось изображение черепа. Подпись гласила: «Тихий». Вообще, все названия островов радовали глаз: Прохладный, Прекрасный, Веселый...

— Такое чувство, что в благословенный край попали, — хмыкнул Роману. — Непонятно только, чего все бегут от этой благодати. А еще непонятнее, зачем вы-то сюда явились...

Я укоризненно покачала головой, напоминая вору о его обещании. Лис надулся, замолчал, ощупывая рубаху на груди. Очевидно, там, в каком-нибудь потайном кармане, у самого сердца хранился Степной изумруд.

— Как остров обследовать будем? — деловито спросил ушастик.

Я задумалась. В самом деле, как? И главное, что искать? По каким признакам? Тяжесть задачи, навязанной богами, встала перед нами во всей красе. Дорога к Дикому архипелагу была такой трудной и долгой, что во время нее не хватало ни времени, ни сил, чтобы всерьез поразмыслить о конечной цели. Казалось, главное — добраться, а потом уж по обстоятельствам сориентируемся. Но вот мы здесь. И что?

Мы не знаем, что искать. Могущественный артефакт, сказали боги. Но после занятий с Атиусом, да поразит лишай эту подлую россомаху, я отлично понимала: артефактом может оказаться все, что угодно, — украшение, любой предмет, дерево... Да хоть трухлявая колода! Кроме того, белобрысый маг упоминал о случаях, когда свойства артефактов закладывались в животных, птиц, даже в разумных существ. Правда, такое могли проделать только очень могущественные маги, но здесь-то речь шла о самих богах!

Мало того что нам неизвестно, как выглядит этот самый предмет (если это предмет), так еще нет ни малейшего представления о том, где он должен находиться! Ладно, пусть не знаем, на каком из островов. Но нет ни единого

ориентира на местонахождение артефакта в принципе! То ли штука закопана в земле, то ли висит на дереве. Может, валяется на поверхности, а может, затоплена у берега, скрыта под толщей воды и песка. Или не у берега, а вообще морт знает на какой глубине. О последнем даже думать не хотелось. Боги сказали, что магический предмет упал с неба во время битвы. Что, если он и впрямь рухнул в море?

Судя по лицу ушастика, тот тоже был озадачен. Покосившись на Роману, эльф медленно проговорил:

— Она сказала, я почувствую, когда буду рядом. И сам пойму, что надо делать...

Да, это была единственная зацепка. Тир-Белион тоже говорил нечто подобное. Лис насторожился, с интересом прислушиваясь к нашему диалогу, а я махнула рукой:

— Тогда все равно, куда идти.

Чутье на магию было единственной нашей надеждой.

— Предлагаю действовать, как большинство исследователей. Пересечем остров посередине. Мы сейчас... — эльф покрутил головой, — на западной оконечности. Вот и пойдем с запада на восток. Дальше подумаем. — Лэй поправил мешки на плечах и двинулся вперед.

Атик между тем забирался все выше по небосклону, его лучи стали припекать голову даже сквозь платок. Поэтому, оказавшись под защитой густых крон деревьев, я облегченно вздохнула. Ответом мне прозвучал вздох Лэя, только в нем звучало изумление и восхищение.

— Вы это видите? — благоговейно прошептал мальчишка. — Вы когда-нибудь могли хотя бы представить себе такое?..

Лес был... странным. Не таким, к какому я привыкла. Ятунхейм, что рядом с Т'харом, — это суровые сосны и благородный тис, голубой лишайник и болотный мох, густой папоротник, обглоданный ветрами бурелом и узкие звериные тропы, по которым пробираются ятуны. Лес в Арвалийской империи — это трепещущие осины, стройные березы и пышная трава. Я не была на родине Лэя, но, наверное, Даллирия прекрасна и волшебна.

То, что нас окружало, даже отдаленно не походило ни

на один из этих лесов. Прямые стволы деревьев ровными стрелами устремлялись вверх. На них не было ветвей, лишь высоко, под самым небом, колыхался веер огромных листьев.

Над островом пронесся порыв ветра, веера заколыхались, я бросила взгляд вверх и оттолкнула Роману с Лэем:

— Берегись!

Что-то тяжелое пронеслось мимо, упало, взрыв землю, совсем рядом с нами. Оно было синее, похожее на камень, величиной с два моих кулака. Ушастик осторожно присел, коснулся предмета кончиками пальцев, потом с восторгом воскликнул:

— Удивительно! Это плод!

Мальчишка подошел к дереву, приложил к нему ладонь, на мгновение зажмурился, прислушался к чему-то, потом торжественно сообщил:

— Дерево дарит нам свой плод. Говорит, он неопасен, — и сунул синий камень в свой мешок.

— Неопасен... Нас, между прочим, чуть не убило этим плодом, — бормотал Роману, когда мы двинулись дальше. — Вот, Мара, как у вас поступают с теми, кто разговаривает с деревьями?

Я пожала плечами, хотя ответ напрашивался сам собой. Такие странности позволены разве что Одноглазому Улафу, которого все боятся, да Гунвальду, великому мастеру, который делает лучшие луки во всем Т'харе. Любого другого, наверное, сочли бы безумцем.

— У нас таких в скорбном доме закрывают, — сказал Лис. — Но то эльфы, им все можно...

Между тем Лэй продолжал восхищаться лесом. Посмотреть в нем было на что. Одних деревьев огромное множество. Помимо тех, что швырялись синими плодами, здесь росли настоящие исполины — с разлапистыми ветвями, кряжистые, не меньше десяти обхватов толщиной, и такие высокие, что макушки не разглядеть. Наши двухсотлетние дубы по сравнению с этими махинами казались бы просто крошечными. Эльф подбегал к ним, прижимался щекой, что-то шептал — разговаривал. Он и

правда был похож на безумца, но я не волновалась, понимая: такое зрелище способно на время свести с ума любого ушастого.

Сидевшие на ветвях пестрые птицы при виде нас орали так, что уши закладывало. От благоухания цветов, которые здесь были везде, начинало тошнить. А доносившиеся из кустов звуки недвусмысленно намекали на присутствие животных. Конечно, мне хотелось надеяться, что все они безобидные и едят только травку, но оружие я держала наготове. А уж если вспомнить о том, что пауки-трупоеды родом с Дикого архипелага...

Но при всем восторге здешней природой Лэй не терял осторожности. То и дело я замечала, как он по-особенному вытягивает руку, готовясь создать огненный шар, потом, убедившись, что опасности нет, продолжает изучение деревьев и кустов.

— Здесь удивительные духи! — сказал мальчишка. — Они очень дружелюбны, охотно разговаривают с теми, кто способен их слышать. Какие чудесные истории они рассказывают!

— Так спроси их про... — Я хотела было произнести слово «артефакт», но увидела, как насторожился вор, и вовремя исправилась: — Ты знаешь про что.

— Духи природы не интересуются такой ерундой! — оскорбился Лэй. — Они замечают только живое. И даже если видели... ты знаешь что — тут же про него забыли.

— Тогда что же они тебе такого интересного рассказали?

— Во-он на том дереве у пары попугаев вылупились птенцы, — умильно сообщил ушастик. — Малыши все здоровенькие и горластые, родители довольны. В десятке ярдов отсюда зацвел молодой куст синего шиповника, рядом с ним распустилась радужная орхидея. А в корнях вон того дерева есть нора, в ней живут ырсуки.

Роману опасно покосился туда, куда указывала рука эльфа, а я переспросила:

— Барсуки?

— Нет, ырсуки. Это такие мелкие хищники с носами,

похожими на свиной пяточок. А вчера, — голос Лэя исполнился трагизма, — в семействе ырсуков умерла престарелая любимая тетушка.

Лис тихо прыснул со смеху. Я тоже едва сдерживала улыбку. Только эльф может принимать жизнь зверей так близко к сердцу.

— Хорошо, о том... ну ты знаешь о чем, духов спрашивать нельзя. Но ты можешь хотя бы узнать, водятся ли на этом острове пауки-трупоеды?

Лэй задумался, потом выдал:

— Можно попробовать, конечно. Только маленькие лесные духи ведь разговаривают не так, как мы. Они мысленно передают череду образов. Учитывая, что они видят мир не так, как мы, уловить и расшифровать в этом потоке нужную картинку очень трудно. А уж правильно передать духам образ — и того сложнее. Но я попробую.

На лице мальчишки появилось выражение крайней сосредоточенности — видимо, он беседовал с духами. Некоторое время спустя Лэй произнес:

— Вроде бы трупоедов они не помнят. Если я правильно понял, конечно. Говорят, таких пауков нет, зато пчелы и муравьи есть.

— Удивили, — сердито фыркнул Лис. — Муравьи и пчелы везде есть...

— По-моему, эти духи совсем никчемные, — поддержала я.

Лэй оскорбился и больше не переводил нам разговоры с духами, наслаждался беседой один. Не забывая, впрочем, осматриваться по сторонам и держа наготове защитные заклинания.

Но ничего особенного не происходило. Мы шли целый день, два раза останавливались на отдых. Когда Атик спрятался и лес наполнился тенями, встали на ночевку под большим раскидистым деревом. Лэй сообщил, что дух, который здесь живет, не против нашего присутствия. Правда, костер пришлось разводить подальше от дерева, поскольку его обитатель боялся огня.

Перекусили лепешками и солониной, запили их водой

из чистого ручейка. Бросили жребий: первой дежурить выпало мне.

Я устроилась у костра, вслушиваясь в звуки ночного леса. Лэй свернулся клубочком между корнями дерева, которые мощными щупальцами выступали из земли. Физиономия у эльфа была самая довольная.

Неподалеку устроился Роману — с таким же блаженным выражением лица. Вор достал свой заветный камешек, о встрече с которым, наверное, мечтал весь день, и теперь поворачивал его так и сяк, разглядывая блики от костра на гранях.

Лис долго еще любовался изумрудом, но наконец усталость взяла свое. Он сунул камень за пазуху, на прощание окинул меня подозрительным взглядом и погрузился в сон.

Я задумалась, глядя на костер, и очень удивилась, когда Лэй, вдруг поднявшись на ноги, совсем не сонным голосом прошептал:

— Готов?

Он подобрался к Роману, помахал рукой перед его лицом. Вор никак не отреагировал.

— Готов, — заключил ушастик, усаживаясь у костра. — Я уже заждался. При нем говорить совершенно невозможно.

Видно, Лэя, так же как меня, тревожила неопределенность нашей миссии. Вот ему и хотелось обсудить ее, отвести душу.

— Я что думаю, — начал он, — как мы определим, что артефакт рядом?

Я пожала плечами:

— По идее, должны уловить исходящие от него токи. Ты маг, я антимаг. Как-нибудь справимся.

— Боги не говорили такого, — упорствовал эльф. — Они сказали, что мы сами почувствуем и поймем. Артефакт — штука непростая. Далеко не все они излучают магическую энергию в чистом виде, иначе их слишком легко было бы распознавать. А этот еще и божественного происхождения.

ГЛОССАРИЙ

Альгебар — так орки называют Тихую долину, загробный мир, куда попадают орочыи воины.

Атик — дневное светило.

Белион — бог войны, покровитель воинов.

Бристад — бог ремесленников и рабочих.

Вандер — бог виноделия, покровитель развлечений, азартных игр.

Вирл — мир, где происходит действие книги.

Всеобщий язык — язык, принятый в Вирле для общения существ разных рас.

Гвиневра — богиня земли, плодородия, покровительница женщин и материнства, жена Зула.

Десид — бог смерти, повелитель загробного мира. Он решает, куда отправятся души умерших. Одни, безгрешные, обретают вечную гармонию в Тихой долине. Другие, на которых лежат несмываемые грехи, уничтожаются богом смерти и исчезают навсегда. Третьи — их большинство — перерождаются и возвращаются в Вирл.

Дюйм — мера длины, 1 дюйм = 2,5 сантиметра.

Зириус — королевство, граничащее на юге с Даллирией.

Зул — бог неба, грома и молнии. Самый грозный и опасный из богов. Муж Гвиневры. Согласно легенде, в

древние времена, еще до рождения человечества, когда небо и земля были единым целым, Зул и Гвиневра любили друг друга. Но потом небо и земля разделились, разлучив влюбленных. Теперь Зул дождем проливает на землю слезы тоски по любимой, а Гвиневра пытается дотянуться до него, вздымая вверх горы.

Иррида — богиня возмездия и правосудия.

Крион — серебряная монета Арвалийской империи. 1 крион = 10 риттонов.

Кроверы — раса разумных существ. Полулюди-полуптицы, обитают в горах. Считается, что поймать кровера невозможно.

Лавра — богиня любви, младшая сестра Лак'хи.

Лак'ха — богиня судьбы. Женщина, одна половина тела которой представляет собой молодую, прекрасную девушку (удача), а вторая — иссохшую старуху (неудача). Если богиня поворачивает к человеку свою прекрасную половину, ему сопутствует счастье, если же уродливую — горе. Отсюда выражения: светлая или темная полосы жизни.

Леон — золотая монета Арвалийской империи. 1 леон = 100 крионов.

Лига — мера длины, 1 лига = 3 мили.

Магия жизни — волшебство, которым владеют самые сильные эльфийские маги. Это способность говорить с высшими духами природы. Каждый участок земли охраняет дух. В эльфийском лесу духи сильнее, в человеческом — слабее. Духи воздействуют ментально: могут запутать, отключить инстинкты, заставить потерять ориентир, свести с ума. Великие эльфийские маги заключают контракт с духами эльфийского леса. Маг отдает духу часть своей жизни, дух взамен сопровождает мага.

Магия листвы — обращение к растениям, животным и духам леса. Ею владеют только эльфы.

Магия стихий — обращение к огню, земле, воде и воздуху. Ею владеют люди и кроверы.

Мидлон — материк, на котором расположена Арвалийская империя.

Миля — мера длины, 1 миля = 1600 метров.

Морт — слуга Десиды. По поверью, Десиду служат шесть мортов — ангелов смерти. Когда-то они были родоначальниками рас, а теперь каждый из них переводит души умерших соплеменников во владения Десиды. И только ольды (см. ниже) не подчиняются в смерти ни мортам, ни Десиду.

Некромантия — прямое общение с потусторонним миром. Чтобы овладеть ею, представитель любой расы заключает договор с богом смерти. Именно поэтому некромантов называют продавшимися. После договора с Десидом все каналы взаимодействия с другими видами магии обрезаются.

Нордия — государство, расположенное к северо-западу от Арвалийской империи. Страну населяют полудикие племена.

Ночная волчица — самая яркая звезда на небосклоне Вирла. Ее угасание знаменует наступление утра.

Ольды — малочисленный кочевой народ. Считаются дальними родственниками эльфов. Легенда гласит, что их женщины обладают даром беседовать с богиней судьбы, узнавая будущее и прошлое, а мужчины могут изменять судьбы смертных. Все ольды — альбиносы. Сами они называют себя детьми или слугами Лак'хи и верят в свою избранность. Ольды кочуют из города в город, зарабатывая своими умениями. Власти Арвалийской империи считают ольдов мошенниками, а простой народ их побаивается и уважает.

Продавшиеся — другое название некромантов.

Разумные расы — в Вирле шесть разумных рас: люди, орки, эльфы, гномы, гоблины и кроверы.

Ржавка — самый дешевый крепкий спиртной напиток, получаемый из ржи путем перегонки в кубе. Название имеет и второй смысл: напитку присущ коричневатый цвет, напоминающий ржавчину.

Ритгон — медная монета Арвалийской империи.

Рогворк — орочий воин, идущий в бой одурманенным.

Саторис — маг, способный пользоваться любыми источниками и творить любой вид волшебства. В переводе с языка древних — чародей.

Сиверентус — бог моря, покровитель судоходства, моряков. Нелюбимый брат Зула. Легенда гласит, что шторм на море — это спор между братьями.

Создатель — божественное начало, сотворившее Вирл и все остальные миры. В каждом из миров Создатель оставлял частички своей сущности — богов.

Тиль — ночное светило.

Тир — главный бог орков.

Тихая долина — аналог рая.

Тривлер — бог-покровитель путешественников и торговли.

Т'хар — так орки называют свою родину, Холодные степи.

Шаманство — магия рисунков, танца и песнопения. Владеют гоблины и орки.

Ярд — мера длины, 1 ярд = 0,91 метра.

Ятуны — обитатели Голодного леса, который на языке орков называется Ятунхейм.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗЕРКАЛА СУДЬБЫ. ИСКАТЕЛИ. <i>Фантастический роман</i>	5
Глоссарий	342